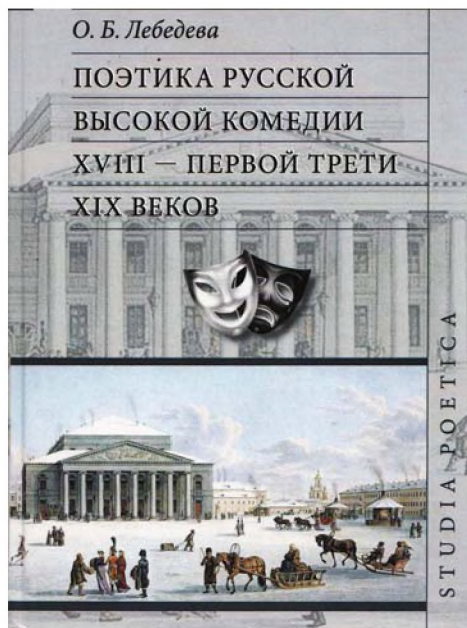

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/19986645/47/16

«Свойство комедии...» (рецензия на книгу: Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. М.: Языки славянской культуры, 2014. 472 с.)

Книга посвящена поэтике русской комедии XVIII – первой половины XIX в. В первой части монографически исследуются закономерности становления и функционирования национально-своеобразной жанровой модели русской высокой комедии XVIII в. в ее перспективных связях с комедиографией А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя, рассматриваются специфика и типология стилистики, образности, действия и сюжетосложения. В сфере внимания автора – поэтика устойчивых жанрово-стилевых структур, оказавших влияние на русскую комедиографию (сатира А.Д. Кантемира, ода М.В. Ломоносова, трагедия А.П. Сумарокова, публицистика Н.И. Новикова) и

эволюционный ряд русской высокой комедии XVIII в., представленный творчеством А.П. Сумарокова, В.И. Лукина, Екатерины II, Д.И. Фонвизина, М.М. Хераскова, Н.П. Николева, Я.Б. Княжнина, В.В. Капниста. Во вторую часть вошли работы разных лет, посвященные поэтике, интертекстуальным связям и жанровому своеобразием комедий А.С. Грибоедова «Горе от ума» и Н.В. Гоголя «Ревизор».

Работа известного отечественного специалиста в области поэтики драмы, творчества В.А. Жуковского и русско-европейских литературных связей подводит итог многолетней исследовательской деятельности по изучению стержневой жанровой модификации русского драматургического искусства – высокой комедии, генетика которой, как показывает ученый, восходит к первым образцам европеизированной русской словесности XVIII в., а перспектива – не только определяет повестку дня, собственно, театра XIX столетия, но в значительной степени проливает свет на художественную ментальность культуры классического периода, в рамках которого высокая комедия отвоёвывала себе весьма заметное место и породила череду бесспорных шедевров: «Горе от ума» Грибоедова и «Ревизор» Гоголя знаменуют кульминационный момент в развитии этой традиции, эхо которой впоследствии, бесспорно, может быть обнаружено на любом хронологическом участке национального историко-литературного процесса.

Читая работу, легко заметить, что парадигмальные тексты Грибоедова и Гоголя определяют в значительной степени всю логику развертывания исследовательской мысли; работа пишется словно «в перспективе» «Горя от ума» и «Ревизора», что позволяет почувствовать «сюжетность», закономерность и неслучайность именно такого, а не иного ритма в развитии жанра. Сама категория жанра весьма продуктивно понимается автором монографии как определенный эстетический угол зрения на мир, принцип миромоделирования (понятие, утвердившееся в нашем литературоведении во многом с подачи О.Б. Лебедевой, эффектно преодолевшей здесь некоторую статичность тезиса структуралистов о «картине» и «модели мира»).

Аналитическая интрига исследования определяется несколькими тезисами, объяснительные возможности которых позволили привести в систему множество разрозненных эмпирических фактов. В основу работы положена не столько аналитико-литературоведческая, сколько историософская импликация, соотносящаяся как с многочисленными размышлениями русских философов XX в., так и с наблюдениями семиотиков недавнего прошлого, например знатока культуры и языка XVIII в. В.М. Живова [1]. Суть идеи заключается в том, что русская форсированная модернизация эпохи Петра, первый в мировом историческом процессе и беспрецедентный по своим масштабам и последствиям акт заимствования и адаптации параметров западно-европейской культуры во внеевропейском пространстве, деформировала сами принципы культурного и лингвистического самоописания русского человека XVIII столетия. Категориальный характер этого сдвига можно сопоставить в теоретическом отношении лишь с очередным «приступом» социальной модернизации в России – на рубеже XIX–XX вв. и в первые десятилетия XX в., когда, по мысли И.П. Смирнова, художественная динамика также определялась реконструкцией системы словоупотребления в художественной практике [2]. Как убедительно показывает О.Б. Лебедева, само художественное слово, микроскопическое ядерное первовещество литературы, дистрибутивно раздвоилось в XVIII в. на абстрактно-понятийное и предметно-описательное, причем каждая из ипостасей обнаруживала свою недостаточность: абстракция не опиралась на *факт*, а материальность не отсылала к идее синтетического *воплощения* (до Льва Толстого, Владимира Соловьева и Николая Федорова русской культуре предстоял еще огромный путь), а заключала в себе лишь представление о брэнном физическом, почти животном *теле*. Добавим от себя, что в парадигме, предшествовавшей секулярной реформе Петра, такое рассечение и противопоставление семантических полюсов словесной материи было (при всем тяготении христианской культуры к дуализму) далеко не столько очевидным, что подтверждается не только множественностью телесных практик, понимаемых как духовные, но самой стилистикой письма, в котором можно найти довольно радикальные картины симбиоза телесного и духовного – ср. известный пример из протопопа Аввакума, видевшего сон о том, как его тело вобрало в себя весь мир («...разпространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, все и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом Бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь»).

Трагедия форсированной модернизации, тонко уловленная впоследствии (сознательно или бессознательно – другой вопрос) мастерами словесности XVIII в., и заключалась в том, что идеал был отвлеченно противопоставлен реальности, а сама эта реальность, из которой идеальное начало извлекалось словно хирургическим путем¹, оказалась низведена до уровня мертвенного в своей плотскости объекта властного социального экспериментаторства. Телесное, предметное и вещественно-однозначное в рамках такой стратегии понимания делались атрибутом отрицаемого мира прошлого и подлежали символическому развенчанию и уничтожению в художественной практике сатиры. Утверждение абстракции, напротив, стало задачей оды. Ода и сатира сформировали, как подчеркивает О.Б. Лебедева, двойственный агрегат производства главных смыслов русского Просвещения в их поэтической репрезентированности, смыслов, имевших отчетливо взаимонаправленную зеркальную природу: ода пыталась материализовать идеал добра и гармонии, а сатира – дискредитировать косную телесность порока. В мире театра эта парность отразилась во взаимодействии трагедии и комедии, на первых порах – со-противопоставленных, а позднее начавших тяготеть к некоему симбиозу жанровых форм.

Моментом сбоя в работе этого культурного механизма стал предопределенный нерешенной крестьянской проблемой и неупорядоченной системой престолонаследия кризис русского просвещенческого проекта. Этот почти внезапный пароксизм, пришедшийся на 1770-е гг. с их Пугачевским восстанием, был тем не менее проницательно угадан еще в 60-е, когда в лице Фонвизина с его «Бригадиром» зрители и читатели получили первый зрелый пример синтетического соединения комедийного и трагедийного – как в топике (ср., например, проницательный анализ зооморфизмов в обоих жанрах – С. 129), так и на словесно-стилевом уровне поэтики текста, где безраздельно господствовал прием зеркально-двупланового каламбура.

Эти развернутые мною тезисы книги О.Б. Лебедевой, прямо подводящие читателя ее работы к дальнейшему разговору о вершинах – «Недоросле», «Горе от ума» и «Ревизоре», не только конкретизируют представления о своеобразии жанровой динамики в русском литературном процессе XVIII в., но являются также ярким примером того, как литературоведческий анализ может наметить выход во внелитературные сферы истории, политики и философии – те дискурсивные пространства, в которых вырабатывались координаты национально-государственного развития в XVIII столетии. А раз так, то и сама рецензируемая монография исподволь раздвигает свои жанрологические рамки и постепенно трансформируется в опыт целостной истории русской литературы «века Просвещения», осмысленного здесь *с точки зрения* избранного жанра, но в дальнейшем охарактеризованного автором как гораздо более стереоскопическое явление – см., в частности, концептуальное отражение этого опыта в учебнике О.Б. Лебедевой «История русской литературы XVIII века» (М., 2000; М., 2003). Соединение историко-литературного и жанрово-поэтологического подходов мы встречаем в уже упомянутых разбо-

¹ На парадигмальное в контексте эпохи увлечение Петра I медициной и в особенности хирургией в науке не раз указывалось. См., например, недавнюю книгу К.А. Богданова [З. С. 52 и сл.].

рах одической поэтики и сатирического послания Кантемира, сумароковской трагедии и публицистических баталей 1769–1774 гг. – вплоть до освещения драматургических экспериментов самой Екатерины II.

И хотя граница между двумя частями книги задана самой историей и проходит по рубежу XVIII и XIX столетий, в теоретическом отношении уместно, полагаю, видеть единство обоих разделов монографии: аналитика, представленная во втором из них, отчетливо отсылает к включенной в предыдущую часть главе о фонвизинском «Недоросле» – центральному в концепции О.Б. Лебедевой разбору первого истинного шедевра русской драматургии, наивысшая оценка которого возможна без всяких поправок на дискомфортные последствия «вестернизации» и новой литературной «трансплантации». «XIX век» в истории русской высокой комедии начинается словно раньше столетия календарного – настолько глубок резервуар смыслов «Недоросля», сконцентрированных в пьесе ее создателем и обнаруженных исследователем. Наряду с уже известными читателю мотивными и стилевыми блоками, относящимися к взаимодействию одического и сатирического типов художественного слова, поэтика и историософия «Недоросля» позволяют открыть еще один с этого времени типологически обязательный элемент высокой комедии как жанра: интервенцию в текст евангельской темы истинного судии, ассоциативно ориентированной на образ монарха. В сложных шифрах структурно-поэтической организации текста О.Б. Лебедева точно подмечает культурно-исторический сдвиг эпохального масштаба: лишив государство классицистского ореола рационального установителя всеобщего порядка, драматург XVIII в. начинает «вспоминать» о национально-укорененной идее власти как охранительнице высшей («вышней» – в терминологии «Недоросля») справедливости. Причем дело здесь не только в том, что современный читатель комедий Фонвизина и Капниста оказывается в состоянии опознать с помощью О.Б. Лебедевой издавна присущие русской литературе приемы понижения сюжетности («литературности») в пользу символического значения отдельных сцен, мотивы самозванства или религиозные обертоны будущей знаменитой немой сцены гоголевского «Ревизора», а в том, что на ранних примерах из истории русской словесности XVIII в. мы начинаем наблюдать регулярность срабатывания культурного механизма, укоренившегося в России, весьма вероятно, на столетие раньше самих петровских преобразований: вестернизирующий прорыв – откат к (нео)традиционализму. Интересно было бы в этом смысле проверить системную предопределенность рождения национальных шедевров в поле притяжения (нео)традиционализма – в диапазоне от Фонвизина (или, быть может, даже Аввакума) до Мандельштама и Бродского. Разумеется, ответов на эти вопросы рецензируемая монография не содержит, однако важно то, что имплицитно рефлексия на данную тему она предлагает, а точнее – потребность в такого рода размышлениях следует из теоретического языка, предложенного О.Б. Лебедевой в рамках решения ею задач анализа истории и поэтики русской высокой комедии.

В краткой рецензии невозможно исчислить весь богатый перечень наблюдений, которыми насыщена книга литературоведа. Да и едва ли в этом есть необходимость в принципе. Многие из них, такие как конструктивные

антитезы говорения, молчания/глухоты, метапоэтическая идея и образность зеркала, нюансы стилистики каламбура и т.д., несомненно, достойны отдельного содержательного разговора. Важнее другое: книга О.Б. Лебедевой, являясь важным вкладом в традицию русской жанрологии, берущей свое начало в классических трудах М. Бахтина, Ю. Тынянова, В. Проппа, О. Фрейденберг и др., предлагает современному читателю не только целостную картину истории и поэтики жанра высокой комедии, но убедительно демонстрирует, как теоретически оснащенный подход к кругу текстов, в котором на первом плане не лишь считанное количество выдержавших проверку временем произведений, способен через избранную «точку зрения» данного жанра обнаружить самую сердцевину работающего механизма национальной культуры – далеко не только в ее драматургической ипостаси. В этой обращенности монографии О.Б. Лебедевой к расширению границ литературоведческого анализа при неукоснительном соблюдении самих правил литературоведения как науки заключается, на мой взгляд, одна из наиболее привлекательных черт этой объемной и важной книги – во многом образца современного жанрологического исследования.

Литература

1. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. 4: (XVIII – начало XIX века). М., 1996. С. 657–683.
2. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем // Смирнов И.П. Смысл как таковой. СПб., 2001. С. 13–222.
3. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005.

К.В. Анисимов

THE COMEDY'S VIRTUE... BOOK REVIEW: LEBEDEVA, O.B. (2014) *POETIKA RUSSKOY VYSOKOY KOMEDII XVIII – Pervoy TRETI XIX VEKOV* [THE POETICS OF THE RUSSIAN HIGH COMEDY OF THE 18TH – FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURIES]. MOSCOW: LANGUAGES OF SLAVIC CULTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 218–223. DOI: 10.17223/19986645/47/16

Kirill V. Anisimov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

References

1. Zhivov, V.M. (1996) Gosudarstvennyy mif v epokhu Prosveshcheniya i ego razrushenie v Ros-sii kontsa XVIII veka [The State Myth in the Age of Enlightenment and Its Destruction in Russia at the End of the 18th Century]. In: Lotman Yu.M. et al. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. IV. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

2. Smirnov, I.P. (2001) *Smysl kak takovoy* [Sense as such]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt. pp. 13–222.
3. Bogdanov, K.A. (2005) *Vrachi, patsienty, chitateli. Patograficheskie teksty russkoy kul'tury XVIII-XIX vekov* [Doctors, Patients, Readers. Pathographic texts of Russian culture of the 18th–19th centuries]. Moscow: OGI.